



www.promegalit.ru

сергей ивкин
голая книга
стихотворения

поэтическая серия
«ТОЛЬКО ДЛЯ СВОИХ»

сергей ивкин

голая книга

Евразийский журнальный портал «Мегалит»
2016

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос=2Рус) 6-5

Сергей Ивкин. Голая книга - сер. «Только для своих» - Евразийский журнальный портал «МЕГАЛИТ» - Кыштым, 2016 г. - 72 с.

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос=2Рус) 6-5

ISBN 5-87039-087-16

© Сергей Ивкин, стихотворения, 2015

© Александр Петрушкин, дизайн, верстка, 2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

мы валуны одной величины	/7/
КРОМЕ АЛЛАХА	/8/
БОЛЬНИЦА СКОРОЙ ПОМОЩИ В ЗЕЛЁНОЙ РОЩЕ ГОРОДА ЕКАТЕРИНБУРГА	/9/
БРАТ	/10/
Вечерний снегопад - итог перезагрузки	/12/
ГРУППА РЕАБИЛИТАЦИИ	/13/
ДРУГАЯ ЗЕМЛЯ	/15/
КРАСНОЕ ПОЛЕ	/17/
четыре половины четверых	/18/
Этот город – бумажный пакет	/19/
ученик секьюрити восемь глаз	/21/
у меня отваливается лицо	/22/
Постепенно становятся ближними те	/23/

Люди, встреченные вне их родных городов

/24/

Самые правдоподобные облака

/25/

Эту поляну выбрил большой самолёт

/26/

Даже не спрашивай: «Что получилось бы...» Нет

/27/

Договоримся, родной мой, что никогда

/28/

КЫШТЫМСКАЯ МОЛИТВА

/29/

КЫШТЫМ I

/30/

КАСЛИ

/31/

КРЕЩЕНИЕ

/32/

Это Филонов, и ты понимаешь, о чём я

/33/

ТРИДЦАТИЛЕТИЕ

/34/

ЧЁРНОЕ ЗЕРКАЛО

/36/

28 ОКТЯБРЯ 2012

/38/

КЫШТЫМ II

/40/

Твой страшный мир, в котором невозможно

/41/

ДВОЕ

/42/

лепишь себя в куличики

/43/

ПАМЯТИ ВИТАЛИЯ КАЛАШНИКОВА

/44/

над городом плывут левиафаны

/45/

ИМЕНА

/46/

вечерний макияж: замазать атавизмы

/48/

От секреции снов до секретных желёз

/50/

вот дерево 109 раз и дым

/51/

- Покорми голубей

/52/

Это так мило, когда консультант из сексшопа

/53/

Как спит с бывшею женой?

/54/

в сумерках тело становится цвета бумаги

/55/

есть только Рай и кроме Рая

/56/

Мы (осаждённый город неделим)

/57/

Когда нас призовут

/58/

ПОЛИНА

/60/

да я выжил вот в этой культуре

/62/

ОТВЕТ ЧИБИСУ

/63/

озеро с обвислыми краями

/64/

Смотрит ампула плоти в январские рёбра моста

/65/

по камням светящимся впереди

/66/

Жизнь по стеклу скользила уголком

/67/

ПЛАВАНИЕ

/68/

* * *

мы валуны одной величины
выкладываем в дёрне облучённом
Архангелы, непрочные Чины

медлительна походка заключённых...

над нами просыпается рассвет
и никого нет в мире кроме Бога
и две собаки (и ещё немного)
и три собаки спящие в листве

КРОМЕ АЛЛАХА

Гюльчитай не откроет пятый закон
термодинамики. Хватит первой квадриги.
Кукла завёрнута в продранное трико.
По гороскопу влияют Уран и Ригель.

Смерть на чужбине – единственная строка
из обещаний бабки, смотревшей звёзды.
Не остывает земля пророка на каблуках.
После молитвы всегда кровоточат дёсны.

Слушай, служивый, не сохранить тепла
даже женившись, даже приехав к маме.
Произнесённое шёпотом «Ля иляха иль Алла
Мухаммад Расул улла» –
всё, что тебе достаточно знать в Исламе.

БОЛЬНИЦА СКОРОЙ ПОМОЩИ В ЗЕЛЁНОЙ РОЩЕ ГОРОДА ЕКАТЕРИНБУРГА

Нет ни нового неба, ни новой земли.
Тощий ангел сказал мне: – Иди и смотри!
Помолитесь у третьей палаты.
Медсестра накормила зелёным суфле.
Те, кто умер тогда, – засыпали в тепле,
перевозчик не требовал платы.

Нет ни боли живущим, ни радости нет.
Пластик, кафель и камень истачивал свет.
Не делились на агнцев и прочих.
Кто сказал, что Господь не узнает своих?
Принимали всех скопом, а кто на двоих
устоял – оставляли в рабочих.

Здесь на пятом не чувствуешь запаха крыс.
Отложив АКС, я выглядывал вниз –
в перегнутой, в шевелящейся силос.
Каждый вечер я строю тоннели назад:
запираю засов, закрываю глаза –
тишина, ничего не случилось.

БРАТ

*- Папа, пожалуйста, никому.
Обойдёмся без мамы с её истерией.
Так получилось: я новая Дева Мария.
Бог изнутри говорит: я – сестра Ему.*

Дочери скоро тринадцать. Месячные на старт.
Но такие фантазии череповаты:
надписи на арамейском кровью, потом стигматы,
прочий эзотерический бодиарт.

*- Я была на рентгене. Доктор сказал: скелет
не сформирован. Брат не способен родиться.
Я слышу голос, похожий на щебет птицы.
Клеть не решится сама распахнуться на свет.*

Опухоль прогрессирует. Приложив
к телу ладонь, ощущаю толчки. Живое.
Значит, сегодня детей у меня стало двое...
Да, никому. Попробуй тут, Расскажи.

*- Брат обещает, что может вселиться в мозг
чей-нибудь, выселив прежний разум,
Мы попытались с улитками пару раз и
нам удалось через плоть перекинуть мост.*

Всё замечательно, ищем лежащий под
капельницей неповреждённый носитель
в коме. Приводим дочку, и новый Спаситель
в суетный мир получает свободный вход.

*- Папа, тебя он прекрасно слышит. Нет, всё не так.
Брат говорит, что ему нужен родственный статус,
В твой организм он вселяется через простату,
Но мне не нравится способ замкнуть контакт.*

Дочку зачали во вторник, когда посреди Москвы
ядерный гриб раскрылся над телебашней,
и нам с женою было настолько страшно,
что мы на улице прямо среди травы...

Кварцевый свет. Мокрый запах больничных рвот.
Возле ногтей на руках нарываюот ранки.
Дочка уснула.

В пятилитровой банке
невоплощённый христос открывает рот.

* * *

Ивану Клиновому

Вечерний снегопад – итог перезагрузки:
осуществлённый мир закрыли на ремонт,
поскольку вслух читать свои стихи на русском –
фактически вносить поправки в связь времён.

Как на морозе сталь, приспичило потрогать
механику небес горячим языком:
хотя бы через речь – я не решаюсь Бога –
но притянуть того, кто лично с Ним знаком.

Я только притворюсь, что тих и неподвижен,
пока не заскрипит знакомая кирза...
Я веки подниму, и то, что я увижу,
не даст их опустить и сохранить глаза.

ГРУППА РЕАБИЛИТАЦИИ

Кресла в кружок, подлокотники удалены,
возле каждого ставят контейнеры для слюны,
окна и двери задрапированы в тон стены.

В утренней группе хронический недобор,
доктор включает увлажняющий воздух прибор,
передо мной картина: Шишкин, «Сосновый бор».

Мы собираемся вместе, чтобы учиться не
отличаться от тех, которые по цене
очень понравились бывшей моей жене.

Доктор Лекомцева Екатерина Васильев-
на. Про неё у Яндексa расспросил:
там такие истории, валиум упаси...

Видит она (невидимых) наших друзей,
в социальной сети её имя Король ферзей,
у неё открываются жабры, когда она входит в бассейн,

бывшая пыталась с ней переспать,
доктор сказала «кризис пошёл на спад» –
так я стал блоггером и приобрёл iPad:

не разговаривать с телевизором, не просить
покинуть планету, сорвавшуюся с оси,
не отвечать на «здравствуйте» – «отсоси».

Венечка видит Земфиру Талгатовну, Алексей
коллекционирует фосфоресцирующих лосей,
с Петропавлами беседует Одиссей.

Я – самый тихий, я просто настроил связь
с каждым читающим блог мой и, не кичась,
я проникаю в их подсознание, как сейчас...

ДРУГАЯ ЗЕМЛЯ

-1-

мы себя назвали птицы
обещая перелёт
к тем пределам где дымится
побережье млеко-мёд

вместо крыльев сиплый клёкот
и стоят передо мной
грохот Сербии далёкой
запах скумбрии родной

-2-

посещающим зал ожидания:
наша совесть на вес пера
все мы в юности были джедаями
повзрослевшим – своя игра

кто напомним мне имя кортика
кто находит изъян в броне?
это страшное детство корчится
фотографией в портмоне

-3-

всё что запомнил пишу на отдельном листе

раз – во дворе заскрипевшая карусель
два – магазины забиты собачьей едой
три – на дороге раздавленный рядовой
номер четырнадцать двести семнадцать сто пять
вымерз от гайморовых
до пят

-4-

линия жизни стала намного длинней
тихое счастье нескольких зимних дней
температура по Цельсию выше нуля
то что за окнами
это теперь не земля
не пригодятся салазки, миники, бегунки
я разрезал ладонь о твои позвонки

КРАСНОЕ ПОЛЕ

пересекаешь двор и слева солнце бьётся
наклонный снег тяжёлый и сырой
ты смотришь в небо раздаётся моцарт
(излишне быстро из сороковой)

стой у тебя ружьё с кремнёвым механизмом
горит на шапке синее перо
зверь смотрит на тебя и это стоит жизни
стреляешь первый раз ты новичок-зеро

(выхватывая фрагмент) собаки скалят
и поводок дерут втыкаясь в плотный наст
базлание рожка реальность городская
картинка за стеклом ошибка (целина)

непрожитый мираж зачем оно когда ты
целуешь пса в оскал и в небо во всю ширь
проносятся свистя финальные закаты
мерзавец Амадей
стреляй
дыши
ды-
ши

* * *

четыре половины четверых
фальцет и щебет над пустой заваркой
смеркается, смолкается, не жарко
настоем из берёзовой коры
заполнена белёсая посуда
как хорошо не начинать опять
не замечать не повторяться вспять
не видеть всюду

* * *

Этот город – бумажный пакет,
подтекающий понизу, – нет
ни желания здесь находиться,
ни возможности хлопнуть дверьми.
Точно спёр ты здесь нечто. Верни!
Так за что ж я хотел извиниться?

Что приехал за чудом, а тут
омерзительный привкус во рту,
точно вся атмосфера прокисла:
Алексей Леонидович Ре-
шетов жил в этом самом дворе –
никакого сакрального смысла.

Я пью сагу с ближайшей руки
о проколоте лоне реки,
древний пласт размывающей в кашу,
наблюдаю с радушием псов
старожилов песочных часов.
Это ужас. И нет его краше.

Я в глазницы смотрю пустоте
той, что кошкой сквозь трещины стен
тонко воет пятью этажами;
тополя, набежавши окрест,
выражать собирались протест,
да ладони от страха разжали.

Я беру из трясущихся рук
бандероли поэзии – вдруг
их придётся к печати пристроить;
и, конечно же, я не прочту
пенсионную чью-то мечту,
карнавал комсомольских героев.

Друг мой, брат мой, учитель, на кой
мы явились в приёмный покой?
Чтоб позировать с мэром в обнимку?
Чтобы в хроники Пермской земли
и фамилии наши внесли,
ну, хотя бы, как подписи к снимкам?

Не за тройку бюджетных нулей,
не за выпивку на столе,
не за нежность к гостиничным кралям,
я стою среди гордой беды
с сердцем полным холодной воды –
со Священным Граалем.

* * *

ученик секьюрити восемь глаз
среди книжных полок постель и газ

становиться быдлом с утра и до
говорить себе потому что дом

открывать окно закрывать окно
папиросы «Бородино»

* * *

у меня отваливается лицо
поднимаю затылок
лицо остаётся в ладонях
испещрённое с изнанки
цифрами и чёрточками
словно на закладной

пожалуйста
только не нитками
пусть это будет синяя
китайская изолента
или офиснокрысячий скотч
шпагат и скотч
очень по-мужски

* * *

Постепенно становятся ближними те,
с кем стоишь в одной очереди, в тесноте
разбираешься в родственном дыме,
вскоре сватаешь лучших друзей к чужим
дочерям. Недвижима очередь, и режим
ожидания видится послушанием, без гордыни.

* * *

Люди, встреченные вне их родных городов
напоминают извлечённых из почвы кротов:
озираются, чаще отводят в сторону, понижают громкость.
Вероятно, это их клоны живут на свету:
трудно им пить и есть с репродукторами во рту,
не к кому обращаться в случае сбоя или поломки.

* * *

Самые правдоподобные облака
я повстречал в паломничестве, пока
нёс вертикально хоругвь (вдоль оживлённой трассы):
не заслоняли, а излучали свет.
И молодой священник смотрел им вслед
тем самым взглядом (звенигородского Спаса).

* * *

Эту поляну выбрил большой самолёт.
Мы сейчас празднуем здесь дни рождения, вот.
Столько смертей одновременно только таким «отдарком»
гасятся. Здесь до сих пор горят
недолетевшие призраки. Им говорят:
«Будьте живыми» - и наливают «Путинку» или «Марку».

* * *

Даже не спрашивай: «Что получилось бы...» Нет и не могло быть других вероятностей. Мне не написать ни строки при иных отношениях с каждым любившим, и с каждым любимым. Прикрой, не допускаю возможности числить игрой весь этот бисер, в котором иду по шею.

* * *

Договоримся, родной мой, что никогда
красное слово не выберем (это вода)
и мы не станем меряться одиночеством. Хватит спора:
кто громче хлопает, дольше смеётся, вкрад-
чивей шуршит облетевшими листьями. Брат,
ангелы нас не оставили, и на пороге появятся. Скоро.

КЫШТЫМСКАЯ МОЛИТВА

осторожней,
тоска дорожная,
конь стреноженный,
хлеб острожный.

сделай, Боже, не то, что мне,
Тебе то что

карта, градусы широты-долготы
между Польшею и Китаем
я не то, что я есть.
Только Ты –
то, куда я

КЫШТЫМ I

Наташе Косолаповой-Петрушкиной

Горный северный край. Ветер по умолчанию – южный.
Итальянская зелень в июле груба и манерна.
Храмы недоразрушены, т.е. открыты наружу
самым светлым, что только осталось, наверное.

Утро. Надо бросаться к реке, её дамбам и сливам.
Впрочем, ты сухопутен, уважит колонка любая.
Надо *всё потерять* и под вечер проснуться счастливым,
женский воздух Кыштыма растянутым горлом хлеба.

Даже души на небо отсюда уводит автобус.
Не спеши до него, Что тебе до бараков холерных?
Посмотри на закат, над болотом постой, чтобы. Чтобы
примелькались стрижи в твоих трещинах, сколах, кавернах.

КАСЛИ

К.

Квадрат железа, тронутый травой.
Скамейка, что стояла здесь четыре
столетия, усатый домовой
из веток перевязанных. В сортире
автовокзала чище, чем у стен,
Но храм закрыт, поскольку огороды.
Рай должен быть подробен, то есть те,
кто здесь живёт, не чувствует свободы.

*Бывает боль подкатит к голове
и вспоминаешь что-нибудь другое,
когда гроза глядит как человек
в твоё смешное крошечное горе.*

Вот пальцы горьковатые на вкус,
вот серьги из китайского металла,
вот параллелепипед русских скул –
святая алкогольная усталость –
вот совесть, приходящая какмышь
к лежащим на разложенном диване.

Шумящий вдоль автобуса камыш,
угрюмые посёлки без названий...

КРЕЩЕНИЕ

Зашибись доехали в Петушки:
посреди зимы с головой под лёд.
Отмолились Оксе мои стишки.
В одиночку плачет, живёт и пьёт.

Не читай поэзию... Не Чита –
всё одно не ближний, когда на дне.
Не блаженство – именно нищета.
И смешная Окси, и свет над ней.

Спит в «газели» ласковый Венедикт.
Видит сон, где Окси вдевает нить.
Если что обещано впереди –
смысла нет. И нечего объяснить.

* * *

Александр Петрушкину

Это Филонов, и ты понимаешь, о чём я.
(Нет, погоди соглашаться) но ты понимаешь:
ты поминаешь Филонова, но (понимаешь)
я говорю не о чёрном, но именно чёрном.

Я не сказал: за Россию (и ты, россиянин?)
Все мы мордва и цыгане, поляки, евреи,
мы говорим о Филонове, Саша, налей и
мы говорим о Филонове только по пьяни.

Мы говорим. Так Изварина... Вспомни цитату:
Бог – Он хотел – по Извариной – чтоб говорили...
Но, понимаешь, Филонова – мы говорили –
как футуризм языка получили в осадок.

Эта алхимия времени не по рецепту:
плавим свинец, ковыряя на части патроны.
Мы говорим – и над нами летают вороны.
Только Филонов стоит одиноко
по центру.

ТРИДЦАТИЛЕТИЕ

-1-

твари дрожащие скорпионы
в банке кишасщие серапионы
пятой заварки планктон ЖЭЖэ
те кто не тратятся на верже
да неужель я один из этих
мало признать, я за них в ответе
общей порукой повязан круг
жаждой набить что я тоже крут

(жги, поколение клавиатуры!
что-то останется литературой
может и Бредбери станет вещь
каждый последнюю помнит вещь)

что расскажу я в ночи на память
на остановке где курит падаль
ангелу прячущему крыла,,
сплетню с прозекторского стола?
стыдно и страшно входить в потоки
ленты друзей но привычка только
бы одержимостью ролевой
в дырку квадратную головой

-2-

не объяснить ничего, повредилось дышло,
пара гнедых вырывается из поводьев.
да, я хотел быть писателем, но не вышло:
крепок в коленях, да психика хороводит.

-3-

выйдет рассветный мужик закурит
кролики алкоголики куры куры
собственный огород над рекой
воля (по Пушкину) и покой

(по Достоевскому) я на съёмной
внешне живущий вдвоём но
трезвым Ставрогиным среди псов
душу на гвозди и на засов

братья безумные сёстры мило
сердя сердятся я без мыла
через игольное наперёд
где мой Господь меня изблюёт

ЧЁРНОЕ ЗЕРКАЛО

Помню: вырывал топор у брата.
Прокрутите этот файл обратно.
Доброе разбитое лицо.
Плеер бытовой воспроизводит
запись на сетчатке, что-то вроде
старых фотографий со свинцом.

Я-то думал, будет больше плёнок:
вот я выбираюсь из пелёнок,
вот стелю постельное бельё,
несколько друзей из «dolce vita»,
почему-то статуя Давида
(то есть светокопия с неё),

нож из Праги, флейта из Китая.
Я-то думал, что раскрою тайну,
разгляжу сокрытый компонент.
Алаха'дзыхь, Пермь, Челябинск, Питер,
столики и стулья общепита –
чуда сверхъестественного нет.

Но ведь были ж эти ощущения:
помню, в прорубь я сошёл в Крещенье
(подняли наружу на руках),
ветер на площадке телебашни,
по небу бегущие барашки,
встреча в переулке двойника.

Поиск не приносит результата:
не хватило кластеров когда-то.
Проступают из заплечной тьмы
господа из мемори-надзора,
создают иллюзию зазора.
Сбилась нумерация. Шумы.

28 ОКТЯБРЯ 2012

Мы пили эль (английский солод)
с поэтом Сашей во дворе,
и поэтическую школу
мы сочинили (даже две).

Как Снорри, мать его, Стурулсон,
у гаражей, в которых ссал,
я список кённингов для русских
до середины написал.

Закусывать нам было нечем,
и Саша от избытка сил
все правила российской речи
на все четыре отпустил.

От Сурикова до Серова,
держась порой за тополя,
мы препарировали Слово
грядущей славы нашей для.

Вот только в памяти потомков
мы не останемся вдвоём
похмельны и душевно-тонки
над идеальным букварём:

поскольку вышло отключиться,
так и замылил город Е
все наши сорок три страницы
в Зелёной роще на скамье.

КЫШТЫМ II

Я виноват во всём и вся,
публично вслух преподнося

честолюбивый гул трубы,
обиды белые столбы,
азарта похоть, чванства стыд,
тень мальчика, который ссыт,
обжорство духа, гнев добра,
где конура и кобура,
уныние держащих нимб,
приплод бликующий при них,

гордыню, зависть к бу-бу-бу
и разговор через губу.

* * *

Твой страшный мир, в котором невозможно,
но вынуждены, пробиваясь сквозь,
в котором я надел вторую кожу
и смертное во мне отозвалось,

откуда за ограду перебросив
распоротого ногтем петуха
седая ведьма убегает в осень,
не слыша возвращённого дыхания
и крика, и задора
дубящихся по рёбрам алых крыл.
Твой страшный мир переживу как школу.

Очередной экзамен пережил.

ДВОЕ

Я вслед за ними вечность отшагал –
беременная птица и шакал.
Доходный дом со ста тремя глазами –
и по брусчатке не метель, а заметь.

Сплошная мга, туман замёрзший, пыль,
ворота парка, искривлённый шпиль,
бу-бу-бу-бу голодного шакала,
ограды идеальные лекала.

Таким запомнил я Санкт-Петербург.
Купюрой крупной вырванный из рук,
он кружится над мерзостью канала.
Я ухожу, не досмотрев финала.

Я знаю: птица не сойдёт с ума,
закончатся та осень и зима,
закончится потребность в алкоголе,
надоедят поэзия и горе.

Стоят у Поцелуева моста,
он наклонившись, а она привстав;
и то ли нежность, то ли отвращенье
повсюду отключают освещенье.

* * *

*подожди и придёт
твоё страшное детское время...
Андрей Мансветов*

лепишь себя в куличики
не признавая игрой
едешь на электричке
вплоть до Перми-второй

время твоё деревянное
сверхзвуковой режим
в зрелости д'Артаньяны
не начинают жить

ангелы – участковыми
на огонёк пешком
с ласковым коньяком – и
шпагами с шашлыком

ПАМЯТИ ВИТАЛИЯ КАЛАШНИКОВА

Вот у подъезда школьницы курят «Яву».
Язвочки от чинариков на железе.
Что за принцессы под лягушачьей шкурой?
Что за чудовища, только коснись, полезут?

Оля Речкалова так ощущала сумрак:
каждую гематому на щекатурке храма –
катятся шарики ртути из женских сумок,
на Шаумяна ул. потекла реклама.

Это уныние давит панкреатитом –
вышел к подъезду и отключил мобильник.
На разрешение жить я не взял кредита –
жизнь изначально избыточна и дебильна.

* * *

над городом плывут левиафаны
на нитях остановлены машины

слепой ребёнок ножницами шарит
ему пообещали эфанта
она пообещала быть инфантой
она пообещала среди женщин
пинать ногою и лететь нагою

над городом плывут аэростаты
и овцы объедают пальцы статуй

ИМЕНА

В библиотеку имени меня...

Роман Тягунов

Мы всем деревьям дали имена:
шурша листвою в сумерках с работы,
мы говорили с каждым: «Вот те на!
а мы и не узнали сразу, кто ты».

Не Дантовская выставка искусств,
а души выходили из тумана.
Взъерошенный весёлый тощий куст
мы окрестили именем Романа.
Ему махали: «Здравствуй, Тягунов»
(его кора была почти горячей
и дольше всех зелёное руно
на нём держалось на углу со Стачек).

Там были и Блаженный, и Парнок,
обзируты между гаражами,
горел на Бродском золотой венок,
К.Р. и Блок друг другу руки жали.
Глазков стоял, невзрачен и сутул
(секретный часовой Поэтограда),
и Решетов ладони протянул
над детским садом.

Клён Мандельштам пёр сквозь кирпич стены,
Ахматова смотрела на витрину
(но не было рябин и бузины,
чтобы одну из них назвать Марина).
Немые собеседники в снегу,
и не осталось никаких эмоций,

но вот уже два года не могу
идти пешком к метро по Краснофлотцев.

* * *

-1-

вечерний макияж: замазать атавизмы
здесь шупальца у рта, здесь жабры вдоль спины
таким как мы хватает оптимизма
хватает нервов ждать падения стены

срезать шипы, щитки и запасные пальцы
(всё отрастает за четырнадцать часов)
чтоб только не шептать очкарику
*не пьясья на левый мой висок
на правый мой висок*

-2-

когда придёт вода или проглотит магма
мы даже под землёй попробуем дышать
нас обучали ждать пока не скажет ангел
что может выходить на белый свет душа

не помня ни единого закона
готовиться начать единственный полёт
*авось, посмотрит Бог с высокого балкона
авось, и нас в ладонь из воздуха возьмёт*

я так люблю тебя – ты мне меня дороже
я принесу кусок – не выходи туда,
не надо, не меняй оттенка этой кожи
ещё огонь грядёт ещё придёт вода

* * *

От секреции снов до секретных желёз
всё, что есть, превращается в дым,
в грязный воздух, пронзённый осколками слёз,
потому что кырдым-гыр-бырдым.

Потому что в ладонях свинцовый горох,
потому что Ека-те-ринбург,
я от собственных лёгких сегодня оглох,
отключив этот грохот вокруг.

Мы на красный шагнём через Главный проспект,
искривлённый внутри янтаря,
отводя от лица западающий снег,
наизнанку себя отворя

на грядущий сквозняк, на внезапный разрыв,
то есть дальше планет и небес,
потому что навывкат, точнее навзрыд,
потому что вообще ни бельмес.

* * *

вот дерево 109 раз и дым
вот облако вода, вода, вода
на самом деле, не было беды
у нас её не будет никогда

вот наши двери сорваны с пете'ль
вот эхом отдаётся каждый шаг
мы сочиняем воздух и теперь
еженедельно учимся дышать

* * *

- Покорми голубей.
- Голуби не едят
вермишель под соевым соусом, яблоки из компота.

Каждое утро я выхожу на работу
и спотыкаюсь о самый любимый взгляд:

- Что тебе сложно? Вывали под кустом.
Если не птичкам, хотя бы собачкам станет.

Каждое утро я обнимаю Таню
и покидаю самый любимый дом.

Я говорю себе: Нелетающий человек
кормит свой город, а должен кормить свой голос.

Сытое небо наш утоляет голод,
крошит на землю самый любимый снег.

* * *

Анне Батуриной

Это так мило, когда консультант из сексшопа
пишет стихи о Любви (той, что выше небес и галактик).
Всё-таки, всякий мужчина устроен бесшовно:
просто сплетён из отдельных полос, словно лапти.
Нет композиции, нет совпадения картинки;
просто итоги почти параллельных историй
рядом легли, создавая эффект креатива
(кроме желания жить ничего нет в котором).

Только не надо просить выражаться попроще:
каждый из нас взял, что смог; остальное пометил.
Всё-таки, каждый мужчина себе подбирает на ощупь
мир, состоящий из кубиков разных комедий.
Нет ни этичного, ни эстетичного в корне:
рядом легло и осталось цвести почему-то
просто желание жить. И оно его кормит:
просто вставание и умывание утром.

* * *

Как спится с бывшею женой?
Как будто умер и
вернулся в тот же самый зной
на берегу реки.
И вот над нами стрекоза,
и жук шуршит в траве,
и те же самые глаза
растут из её головы.

* * *

в сумерках тело становится цвета бумаги
библии Гутенберга

чтобы любить тебя
надо отказаться от человека
ждать а не желать

избранные места
наизусть

* * *

есть только Рай и кроме Рая
не существует ничего
мы потому и умираем
чтоб нам не опоздать в него

там я прозрачную стопою
смогу ходить по облакам
опознаваемый Тобою
глазами цвета молока

* * *

Аркадию Бурштейну

Мы (осаждённый город неделим)
образовали собственный Олимп,
как реквизит стяжали атрибуты.
И вот стоим во злате и шелках:
елей на дредах, пудра на щеках –
безумны, голодны и необуты.

Мы (воинство раскиданных камней)
садимся на обглоданных коней,
и кони сами восстают из дробы.
Поскольку впереди есть только мрак,
мы поместили свет в глаза собак
и убедились: мир внутриутробен.

Мы (пасынки подкожной немоты),
подъев свои последние понты,
по одному заглядываем в бездну:
увиденное выжигает речь,
а если слову нечего беречь –
и жизнь, и смерть отныне бесполезны.

* * *

Вадиму Балабану

Когда нас призовут,
во время переклички
окажется, что вдоль
твоей смешной стези,
тебя вела одна
и та же эклектичка,
с которой всё у вас
осталось на мази.

За сотнею ролей
внизу не различалось
знакомое сейчас
курносое лицо,
собравшее в себя
все символы печали,
все поводы всерьёз
держаться молодцом.

За столько долгих зим
болтаются, как феньки,
надежды и мечты
из разных парадигм,

но ты стоишь пред ней -
сияющий кофейник,
весь зеркало и весь,
что отразилось им.

ПОЛИНА

(закурив) не менялась с восьми
фотографии те же, но груди
набухают (работаешь в СМИ,
т.е. ешь в забегаловках) любишь
побрутальной прикиды, есть нюх
на стишки: Бутербродский твой – гуру
(я пью кофе, глотаю херню
и не лезу под юбку) вот дура
мужики либо заняты, ли-
бо найти поэтеску и в хомы:
вместе слушать Сурганову и
трахать всех, с кем пока что знакомы
(сигарета потушена) я
рисовать обязательно голой
обещаю тебя, мы – друзья

(неожиданной нежности школа)

ты меня отгрызёшь от жены
или лично верёвку намылишь
(то, чего мы с тобой лишены,
называется совестью)

финиш:

что ни слово, то манифест
интерес к перемене мест
два поэта (а это инцест)
Бог не выдаст. Семья не съест.

* * *

да я выжил вот в этой культуре
безымянной почти что на треть
перепало на собственной шкуре
в невозможное небо смотреть
(это тёмное небо отвесно)

ты приходишь в себя от тычка
в электричке становится тесно
тчк тчк тчк

ОТВЕТ ЧИБИСУ

раздвинув обожжённые края
прозренья продирается наружу
что крылья белой бабочки разъяв
двустворчатость жемчужницы нарушив

от зренья и презренья отделив
себя противополо... или заставив
надкусывая солнечный налив
густую крону дерева листает

а впереди по-прежнему темно
а нам не страшно ибо знаем чьи мы
всё получилось как бы так само
и даже черенки кровотоочивы

* * *

Александру Павлову

озеро с обвислыми краями
выложено белыми камнями

небо в центре водного холма
маленькие жёлтые дома

мне пять лет я знаю так бывает
и всегда сирена завывает

ангелы похожи на Ганешу
говорят я ничего не вешу

* * *

Владиславу Дрожащих

Смотрит ампула плоти в январские рёбра моста:
инженерные рельсы, собором осыпалось небо.
На ладонях моих пресноводная береста.

У Бориса и Глеба
прорастают в глазах голоса, золотые круги.
Вдосталь тянется праздник (рождественский? преображенный?)
от медвежьих голов или до голубиных княгинь,
не мужских и не женских.

Я не ведал других (отворотных? червонных?) болот.
Подстаканник не слышит, когда растворяется сахар.
Невесомое тело в ладонях одежды ревет,
избавляясь от страха.

* * *

по камням светящимся впереди
сердце не заложенное кротам
возвращающее-вращающее в груди
(неразборчиво) что-то там

опоздала душа моя проспала
и теперь по воздуху всей стопой
золотые Господи колокола
на корнях сплетённых над головой

* * *

Евгении Извариной

Жизнь по стеклу скользила уголком –
всё оттиралось, ладилось и пелось.
Так почему сложилось так легко
всё то, чего взаправду не хотелось?

Захлёбываясь в муторной игре,
я помнил, что окликнут с поднебесья
в тот самый миг, когда перегореть
решат мои мальчишеские бесы.

Но форточка на третьем этаже
не открывалась и домой не ждали...
Так и остались жить на гараже
рассохшиеся детские сандалики.

Так и остались жить в чужом быту
мои зонты, компьютеры, посуда...
И я стою с монетою во рту:
и тут нельзя – и некуда отсюда.

ПЛАВАНИЕ

Александр Павлову

от перемены мест
суммируется жажда
всего что не добрал
от перемены мест

почуяв норд-норд-вест
в начале чаял каждый
сховать себе добра
сыграв запретный квест

но вывернут баул
в нехоженную скатерть
и проглотив протест
сквозь пальцы видишь ты

медлительных акул
и белоснежных скатов
низвергнутых с небес
в разинутые рты

гонимые тоской
мы вышли за пределы
фантазии отцов
и страха матерей

сияющий эскорт
сиятельного тела
несли ему лицо
над гривами зверей

по замыслу Творца
и по причине пьянства
забыт державный шаг
открыты двери в клуб

где выложил в сердцах
наличку оборванцу
и слушал не дышал
рэгтайм фригидных труб

в конце любой тропы
пусть даже будет пристань
охотничий азарт
спекается в понты

и проще всё забыть
как будто бы туристом
ты переплыл свой ад
и это был не ты

В серии «Только для своих» выпущены

в 2015 году:

**Наталия Черных (Москва). Четырнадцать
Александр Петрушкин (Кыштым). Подробности
Александр Павлов (Армавир). Недолет
Вадим Балабан (Троицк). Нулевая палата
Изяслав Винтерман (Израиль). Огонь на двоих
Владислав Семенцул (Екатеринбург). Трубка полого снега быстрого бега
Янис Грантс (Челябинск). Конъюнктивит
Дмитрий Машарыгин (Озёрск). Всё проще
Алексей Мишуков (Украина). Дядька Иван
Эдуард Учаров (Казань). Трёхколёсное небо**

в 2016 году:

**Иван Клиновой (Красноярск). Варкалось
Андрей Дмитриев (Нижний Новгород). Орнитология воды
Григорий Гаврилов (Орёл). Граница всего
Сергей Ивкин (Екатеринбург). Голая книга**

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ
СЕРИЯ «ТОЛЬКО ДЛЯ СВОИХ»

Сергей Ивкин
Голая книга

www.lulu.com
www.promegalit.ru

Подписано в печать 31.01.2016 г.
Формат: 148x148 1/16
Тираж: 400 экз.